

Дьердь Лигети: *Рос. муз. газета. - 1998. № 4. - с. 9*

«Я творю, потому что испытываю потребность творить»

В мае одному из самых значительных композиторов нашего времени Дьердю Лигети исполняется 75 лет. Публикуем отрывки из интервью с ним, напечатанного в газете "Монд".

— Вы покинули Венгрию в 1956 году. Оказало ли это решающее воздействие на вас как композитора? Какую музыку вы писали бы, если бы остались в Венгрии?

— Произведения вроде "Apparitions" или "Atmospheres", которые я сочинил в Кельне и в Вене, испытали влияние моего знакомства с Карлхайнцем Штокгаузеном и Пьером Булезом. Все, что я мог бы написать вне такого влияния, оставшись в Будапеште, безусловно было бы иным. И все же не совсем иным, так как летом 1956 года, еще до бегства из Венгрии, я сочинил "Visions", оркестровое произведение, представляющее собой в некотором роде более примитивный вариант первой части "Apparitions". Мне уже тогда был свойствен интерес к хроматическим кластерам и очень плотной фактуре.

Мое музыкальное развитие в Венгрии могло бы стать в основном таким же, разве что несколько замедленным, как у Дьердя Куртага, с которым меня многое объединяет.

— Ощущаете ли вы себя до сих пор венгром?

— Мой родной язык венгерский. С Венгрией я не связан в политическом смысле, я не патриот, не ощущаю связи со страной через язык, поэзию и литературу. В остальном моя культура — общеевропейская. Ведь в европейских странах сейчас разнятся только языки. Культура — это технология.

— В статье 1985 года вы отстаивали мысль, что современный модернизм не будет ни "ретро" в смысле ностальгии по тональности, ни академизмом в смысле подчиненности постсерьезному авангарду. Остается ли эта мысль актуальной для вас?

— Да. До сих пор есть композиторы, сочиняющие, как Малер, или как Вивальди, или даже в стиле Перотина. Я не считаю плодотворным следование строгой авангардистской линии. Я ненавижу слишком тщательно отделанные партитуры, предполагающие большее восхищение техникой, чем музыкой. Для меня музыка — акустическое явление, и единственная задача партитуры — связь автора с исполнителями.

Мое творчество, конечно, эволюционировало за последние десять лет, так как, помимо прочего, расширились мои познания в научной и этномusicальной областях, которые давно служат мне источником вдохновения. Впрочем, я лишь дилетант, интересующийся всеми естественными и гуманитарными науками.

— С начала 80-х годов вы искали альтернативу системе равномерной темперации. Сколь успешны ваши поиски?

— Я занимался этой проблемой еще задолго до 80-х годов, особенно в "Rampifications". Двойной скрипичный концерт тоже микротональный. На меня сильно повлиял Гарри Парч, когда я жил в Калифорнии 25 лет тому назад и у меня была возможность поиграть на его инструментах.

Я пытаюсь, насколько могу, избегать равномерного деления октавы на 12 полутонов. Оно было полезно для tonальной системы. Теперь у нас есть другие возможности, набор оттенков того типа, о котором мечтал Ферруччо Бузони.

— Двойной скрипичный концерт представляется шагом в этом направлении, особенно благодаря использованию окарин и флейт. Собираетесь ли вы продолжить эксперимент в этом направлении?

— Конечно. В камерной музыке. В моей альтернативной сонате, впервые исполненной Тадео Циммерманом, есть первая часть, очень меня занимавшая: в ней используются различные микротональные отклонения, соответствующие естественному гармоническому спектру.

— Вы недавно внесли значительные коррективы в свою оперу "Le Grand Macabre", поставленную на Зальцбургском фестивале в прошлом году и показанную в Париже в феврале нынешнего года. Жанр, о котором 20 лет назад говорили с усмешкой, сегодня вновь привлекает композиторов. Объясняется ли это общественной функцией оперы?

— Не думаю. Я не очень ясно понимаю, что такое общественная функция искусства. Я не могу влиять на общественную реальность и не люблю утопий. Не думаю, что художник в процессе творения задает себе вопрос, нужен ли он народу. Я сам творю, потому что испытываю потребность творить.

— В одном интервью десятилетней давности вы сказали, что считаете нормальной враждебность нового поколения к отцам и близость к дедам. Вами, похоже, восхищаются молодые композиторы разных направлений. Означает ли это, что вас рассматривают как "дедушку"?

— Я стар, но не утратил любознательности. Я не пестую собственное величие. Меня никогда не удовлетворяет то, что я делаю. Я нахожусь в постоянном поиске.

— Не слишком ли рискованно постоянно сомневаться в себе?

— Без риска ничего не добьешься. И останешься посредственностью. Когда я покидал Венгрию, я не имел ни малейшего представления о том, что со мной будет. Когда я переходил границу Венгрии с Австрией, меня могли просто застрелить.

Перевод В. НЕСТЬЕВА